

ПРАВОВЫЕ ПОНЯТИЯ ВЕЩИ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме разделения вещи и имущества в гражданском праве. Автор рассматривает основные этапы формирования данных понятий гражданско-правового института в их историческом развитии.

Уделяет значительное внимание дискуссионной проблеме начала вещи и содержанию понятия «имущественные отношения», проводит сравнительный анализ теоретических позиций российских ученых-правоведов по данной проблеме.

Ключевые слова: имущественные отношения, имущество, вещь, римское частное право, манципируемые вещи, неманципируемые вещи, имущественные права

Современный человек, ориентированный на действующее гражданское законодательство России, при первом же упоминании о «вещи» почти непременно приходит к ассоциации с тем содержанием понятия, которое может быть выведено из анализа ст. 128 ГК (понятие «имущества» подчиняет себе, вбирает в себя понятия «вещей, включая деньги и ценные бумаги», а также «иного имущества, в том числе имущественных прав»), вследствие чего возникает уже более объёмная и сложная задача установления действительных диалектических взаимосвязей внутри смысловой парадигмы, включающей в себя: «объекты гражданских прав - имущество - вещи - иное имущество - имущественные права».

История развития понятия «вещи» показывает, что современное состояние есть итог (и далеко не окончательный) длительного развития во времени связанных с имуществом общественных отношений и различных способов и приемов их правового регулирования. Сами имущественные отношения как явление объективное существовали еще в доклассовом обществе и как таковые только относительно недавно стали предметом внимания экономистов и социологов [1, 128-136]. Что же касается имущественных отношений как категории правовой, то осмысление соответствующих социальных связей с точки зрения юриспруденции становится возможным лишь по мере накопления, во-первых, эмпирических данных о товарном обмене в древних сообществах, и, во-вторых, материала, достаточного для построения гипотез и выводов о регулировании этих отношений именно нормами права, а не иными социальными инструментами (тотемы, религия, обычаи и т.п.).

Для нас наибольший интерес представляет римское право, давшее великолепные образцы юридического анализа имущественных отношений и, конечно, весьма обширный материал к последующей научной разработке понятия и определения вещи. Первый этап в становлении частноправовых представлений об имуществе и имущественных отношениях связывается с зарождением на Апеннинском полуострове римской государственности. Тысячелетняя история римского частного права представляет уникальную историко-правовую методологическую модель. Она позволяет нам проследить на конкретном материале сложный процесс становления и развития научных взглядов об имуществе и имущественных отношениях.

В римских правовых источниках наиболее показательны фрагменты, относящиеся к известной дихотомии манципируемых и неманципируемых вещей (*res mancipii* и *res mancipii*), а также к подразделению имуществ на *res corporales* и *incorporales*.

Первое подразделение, встречающееся у Ульпиана, Цицерона, Гая и др. юристов, является центральным делением вещей в римском частном праве, имеет обширную ли-

тературу, однако до сих пор вызывает дискуссии относительно классификационного основания. В то же время предметом дискуссии редко являются сами классификационные группы, которые исчерпывающе подробно были определены римскими юристами.

Все вещи, по Ульпиану, суть *res mancipii* или *res nec mancipii* [Ulp., Reg., 19,1]. К первой группе манципируемых вещей относились недвижимости, находящиеся на италийской почве, все равно, городские (дом) или сельские (земельный участок), сельские преиальные сервитуты, как-то: - *via, iter, actus, aquaeductus* - рабы, а также вьючные и упряжные животные: - быки, мулы, лошади и ослы. Все прочие вещи считались *res nec mancipii*, причем источники относят к этой группе все *res incorporales*, в том числе городские сервитуты, не объявленные италийскими провинциальные земли, поместья, именуемые *stipendiaria* и *tributaria*, золото, серебро, одежду и диких зверей, а именно медведей, львов, слонов и верблюдов, причем даже в том случае, если они будут приучены служить в качестве животных вьючных или упряжных [9, 53].

С.А. Муромцев, отмечая, что римские юристы приписывали этому делению вещей «великое значение» (*magna differentia*), писал о том, что на самом деле это была дань традиции: прежде, в старину, значение его было действительно велико, но утратилось постепенно и лишь по старой памяти повторялось в юридических памятниках. Сам С.А. Муромцев видел основания для дифференциации данных видов имущества в том, что с определенного момента («с образования гражданского оборота») обнаружилась противоположность предметов, созданных природой и предметов, сделанных рукою человека: «В экономическом быту, главное основание которого состояло в земледелии, вещи второго рода, куда относились одежда, оружие, домашняя утварь и рабочие орудия, были назначены не для того, чтобы служить предметом обмена.... Предметы эти, однажды приобретенные тем или другим способом, оставались надолго в хозяйстве: обычным переходом их из рук в руки был только переход по наследству. Напротив, вещи, созданные природой, ранее других предметов потеряли личную цену, и обмен их внутри общины сделался обычным делом» [10, 73-74].

Б.П. Иванов аргументировано доказывал, что группа *res mancipii* представляла собою патримониальное имущество, выделенное из рода семье, принадлежащее этой последней как коллективному целому, причем речь идет об имуществе «необходимом и драгоценном» для семьи земледельческой. Сопоставляя *res mancipii* с параллельной группой вещей, автор утверждал, что «...квалификация *res nec mancipii* должна покоиться на принципе, прямо противоположном принципу, легшему в основание выделения вещей привилегированной группы - *res mancipii*. Такая противоположность принципов находит подтверждение и в самой противоположности названий. Принцип выделения *res mancipii* заключается в том, что право собственности на них покоится на начале коллективизма, и, значит, *res nec mancipii* будут те вещи, собственность на которые имеет в своем основании начало противоположное. То есть, *res nec mancipii* суть те вещи, которые находятся в индивидуальном обладании, вещи, собственность на которые принадлежит не коллективному целому, а индивиду. Такое противоположение двух видов собственности - собственности коллективной и собственности индивидуальной - в эпоху родового быта сказывается совершенно ясно...» [5, 130]. Взгляды Б.П. Иванова на основания деления манципируемых и неманципируемых вещей заставляют вспомнить о древнейшем делении вещей *familia* – *resunia*, где речь также идет о некоем семейном комплексе, но весьма своеобразном: «В качестве *familia* семейный комплекс характеризует положение домовладыки в структуре семейства, а как *resunia* - указывает на его распорядительные полномочия по решению экономических вопросов жизни семейства», - отмечает Д.В. Дождев [3, 341].

Тем не менее, семейный комплекс *familia* - *resunia* не может пониматься в качест-

---

ве раннего аналога патримониального имущества *res mancipii*, поскольку этот комплекс был образован всей совокупностью имущества семьи, включая сюда и виды имущества, которые даже в принципе не могли отчуждаться (например, семейные святыни, кладбища). Самое же главное отличие этого семейного комплекса (*familia resuniaeque*) от группы манципируемых вещей состоит в том, что объекты семейного комплекса в архаическую эпоху остаются принадлежать семейству (*familia*), даже если они отчуждены на основе индивидуального волеизъявления как *resunia* [3, 341] - положение, совершенно исключенное для оборотоспособных манципируемых (как, впрочем, и неманципируемых) вещей.

Считавший единственно естественной классификацией предметов пользования деление их на движимое и недвижимое имущество, Г.С. Мэн в то же время указывал на некоторую аналогию ей в древнем праве, отмечая разделение имущества на высшую и низшую категории, причем недвижимость помещается в высшую - *res mancipii*. «Высший разряд собственности в древнем мире заключал в себе не только землю, но многие из самых употребительных и самых ценных движимых предметов...» [6, 217]. Это утверждение, конечно, имеет под собой все основания, поскольку речь идет о вещах, которые и сам Гай называл «наиболее ценными» (*res pretiosiores*). Что же до *res nec mancipii*, то здесь Г.С. Мэн допускает ошибку, за которую его обоснованно критиковал Б.П. Иванов. Он писал: «*Res Nec Mancipii* древнего права, т.е. «вещи не требующие Манципации»; эти предметы, вероятно, мало ценились первоначально и часто переходили от одной группы собственников к другой» [6, 218]. Противоречие, как представляется, очевидное. Действительно, трудно представить себе частую смену собственников у малоценных предметов, если, конечно, не иметь в виду наследственный оборот таковых имуществ. Но вряд ли речь шла именно о наследовании, поскольку таковое основание является единым для смены собственников как манципируемых, так и неманципируемых вещей, когда различие между *mancipatio* и *traditio* утрачивает свое значение и вместо этого действуют существенно иные правила наследственного преемства.

В Древнем Риме весьма точно понимали и описывали вещи по их физическим свойствам (вещи делимые и неделимые, потребляемые и непотребляемые, плодоприносящие вещи и др.). С технической точки зрения не существовало, как представляется, никаких препятствий к тому, чтобы деление вещей на движимые и недвижимое нашло свое, подобающее ему место также и в известных ранних римских классификациях. Тем не менее, подобное деление становится возможным только в качестве сравнительно поздней исторической замены манципируемым и неманципируемым вещам. Объяснение этому мы видим в существовании параллельного подразделения вещей на *res corporeales* и *incorporeales*, и даже не в самом этом подразделении как таковом, а в том, что естественные характеристики движимых либо недвижимых имуществ могут быть присущи лишь вещам телесным, вещам в узком, физическом понимании, как объектам материального мира и объектам прямых вещных прав на них, но не производным вещным правам и, тем более, не обязательственным правам-требованиям.

Характеристика неизменяемости или, напротив, изменяемости пространственного расположения возможна лишь в отношении телесной вещи, которая сама занимает определенное место (объем) в пространстве. Состав манципируемых и неманципируемых вещей неоднороден; как известно, обе группы включают в себя и телесные вещи (в том числе и недвижимость), и права, причем к неманципируемым вещам отнесены все права, за исключением «прав сельских имений», прямо включенных в состав вещей манципируемых. Из этого вытекает, что попытка вычленения физически движимых и недвижимых вещей среди *res mancipii* и *nec mancipii* неизбежно подорвала бы единство данной классификации, стабильность которой до определенного уровня развития экономического

оборота представлялась римлянам более важной и соответствующей традициям, нежели деление имущества на движимые и недвижимые исходя из их естественных свойств.

Таким образом, подразделение вещей на *res corporales* и *incorporales* находилось, во-первых, в определенной связи с *res mancipii* и *res mancipii*, и, во-вторых, оказывало отчетливое связывающее влияние на исторический процесс отмирания дихотомии манципируемых и неманципируемых имущества. Что касается характера вышеупомянутой связи, то, по нашему мнению, деление на *res corporales* и *incorporales* следует рассматривать в качестве дополнительной (атрибутивной) характеристики манципируемых и неманципируемых вещей как элементов базовой классификации, по меньшей мере, до тех пор, пока такая классификация сохраняется как центральное деление вещей в римском праве

Для самих римлян, как представляется, второе деление не имело решающего значения: во второй книге «Институций» Гая «О делении вещей и их свойствах» в качестве наиболее общей классификации приведено подразделение вещей на вещи божественного права и вещи человеческого права; кроме того, принципиально важной считалась дифференциация по количеству и определенности правообладателей, вследствие чего различались вещи *communia omnium - publico - universitatis - nullius - singulorum*. Тем не менее, вполне определенный интерес к *res corporales* и *incorporales* отчетливо выражается хотя бы в том, что именно этому делению в «Институциях» посвящен пусть и короткий, но самостоятельный титул.

Необходимо отметить, что в числе примеров «вещей бестелесных» Гай не упоминает права собственности: римские юристы не различали в достаточной степени право собственности на вещь и саму вещь, вследствие чего право собственности попадало у них в категорию телесных вещей. В отрывке из комментария Ульпиана к преторскому эдикту в Дигестах на вопрос о том, что составляет предмет иска о наследстве, дается ответ, что предмет этого иска составляют все вещи наследства, будут ли то «права» или «телесные предметы». Сопоставляя это место источников с примерами, приводимыми Гаем, следует признать, что, разделяя вещи (*res*) на телесные и бестелесные, Гай подразумевал под последними не вещи в смысле предметов внешнего мира, а именно права [7, 147-148]. Следует отметить, что естественное и первоначальное значение термина *res* охватывает все сущее, в том числе и людей, физических лиц, подтверждение чему можно встретить у Юстиниана, относившего человека к *res corporales*. Однако для римских юристов свободный гражданин мог быть только субъектом прав и в этом смысле он противостоял всем прочим сущностям (к телесным сущностям относились только рабы).

В некоторых случаях *res* вообще не может иметь прямого вещного истолкования, например, фрагмент из Ульпиана: «... если какой-либо трус напрасно испугается чего-либо, что в действительности отсутствует, то он в силу этого эдикта не восстанавливается в первоначальном положении...».

Изложенное выше позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, необходимо отметить фундаментальное для римского права субъект-объектное деление лица и вещи. Лицо наделено волей, проявляющейся по отношению к объекту, последний же выступает лишь в качестве предмета этой воли. Позитивный элемент в понятии вещи состоит в её способности быть предметом господства лица, негативный же заключается в её неспособности к волеизъявлению. Однако в частном праве предметом имущественных притязаний лица по преимуществу выступает вещь телесная, имеющая некий физический объем и способная быть предметом права собственности. Лишенные же телесной сущности имущественные правопритязания, требования на основании обязательств являются бестелесными вещами. Сами же римляне именовали права бестелесными вещами, имея при этом в виду, что права являются составными частями имущества, тогда как *res corporales*

выступали предметами имущественных прав.

Принадлежащие известному лицу имущественные права составляют его имущество. Однако имущество рассматривается в праве не столько как сумма отдельных имущественных прав лица, но и как их надсуммативное, более сложное образование - совокупность (*universitas*). Но если имущество рассматривается как интегрирующее понятие об экономическом положении лица, то в его составе должны учитываться не только права лица, но и его обязанности. Следовательно, необходимо различать имущество в естественном смысле и имущество в юридическом смысле.

Согласно учению перипатетиков (последователей философской школы, основанной Аристотелем), с философской точки зрения все вещи можно характеризовать определенным набором свойств качеств, признаков, в том числе и правовых, нетелесных по определению. Поэтому Гай утверждает, что и нетелесная по определению «аристотелева сущность» телесной вещи, и нетелесная сущность нетелесной вещи могут быть охарактеризованы определенной совокупностью нетелесных же правовых признаков. Отсюда вытекает возможность нахождения общности между правомочиями собственника на телесные и нетелесные вещи с учетом особенностей, присущих последним, например, «очевидно, что передача не применяется к бестелесным вещам». Это позволяло институту нетелесной собственности использовать те же по форме правомочия, которые составляли содержание собственности на телесные вещи. В то же время римские юристы, не оставив точного определения права собственности, указывали на то, что оно является наиболее обширным по объему правом на вещь [7, 92].

Проведенный анализ источников римского права и мнений его исследователей приводит к выводу о том, что имущество лица как собирательное понятие составляет некую активную базу последнего, являясь пределом его потенциально возможных обязанностей. Имущество является объектом права собственности; мнения расходятся на этапе определения правовой природы объектов, входящих в его состав - телесных и бестелесных вещей. По мнению указанных выше авторов, поскольку объектом права собственности является вещь в составе имущества, нет особой разницы между правовым статусом вещи телесной и бестелесной.

Длительное время такой подход оценивался как не соответствующий доктрине и системе советского и российского права, и «непосредственное» его использование в отечественном законодательстве и в правоприменении оказывалось невозможным. Однако нельзя не напомнить утверждение Н.Л. Дювернуа о креативном потенциале римской правовой идеи при исследовании иных правовых систем: «Нигде, понятно, кроме Рима, мы не найдем так могущественно сознанной и в такие окончательные формы облеченной идеи права. Нигде идея государства и права не сливалась так тесно и полно с личностью каждого гражданина. Но это не мешает нам, при свете римских понятий, раскрывать тот же элемент в явлениях менее ярких, но родственных, те же черты, хотя гораздо слабее выразившиеся» [4, 115].

Представляется, что положения римской частно-правовой доктрины о классификации вещей, в особенности о парадигме телесных и бестелесных вещей, могут (с определенными оговорками) рассматриваться в качестве отправной точки для построения нормативных моделей имущества и в современных законодательствах, хотя даже в эпоху рецепции римского права на европейском континенте эта идея воспринималась с осторожностью и до практической реализации была доведена лишь в небольшом числе случаев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин Ф.Н. Взаимодействие социологических и экономических наук. Что впереди? // Социологические исследования. - 2005. - №12. - С. 128 – 136.
2. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т.1. – М.; Статут, 2002. - С. 142-143.
3. Дождев Д.В. Римское частное право. – М.: Издательство НОРМА, 2000. С. 341.
4. Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России: Опыт по истории русского гражданского права. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. - С. 115.
5. Иванов Б.П. Res mancipii et nec mancipii (Очерк по истории римского права). – Казань: Типолиитография Императорского Университета, 1914. - С. 130.
6. Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. – Санкт-Петербург: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1873. - С. 217
7. Новицкий И.Б. Римское право. – М.: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1993. - С. 92.
8. Римское частное право /Под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: Юрист, 1994. - С. 147-148.
9. Санфилиппо Чезаре. Курс римского частного права: Учебник. – М.: Издательство БЕК, 2000. - С. 53
10. Муромцев С.Л. Гражданское право Древнего Рима. – М.: Статут, 2003. С. 73-74.

V. Shiriev

LEGAL CONCEPTS OF A THING OF THE ROMAN PRIVATE LAW

Abstract. The Article is dedicated to problem of division belongings and property in civil right. The author considers the basic stages of formation of the given concepts of civil-law institute in their historical development.

Pays considerable attention to a debatable problem of the beginning of a thing, and the concept maintenance «property relations», carries out the comparative analysis of theoretical positions of the Russian scientists-jurists on the given problem.

Key words: property relations, property, thing, Roman private law, res mancipii, res nec mancipii, property rights